

ПИСЬМА.

Одинъ знакомый, какъ-то разъ, вотъ что разсказалъ мнѣ.

— Когда я былъ въ Москвѣ студентомъ, мнѣ довелось жить рядомъ съ одной изъ „этажъ“... знаешь? Она была полька, звали ее Тереза. Высокая такая, сильная брюнетка, съ черными, сросшимися бровями и съ лицомъ большимъ, грубымъ, точно вырубленнымъ топоромъ, — она приводила меня въ ужасъ животнымъ блескомъ своихъ темныхъ глазъ, густымъ, басовитымъ голосомъ, извозчичьими ухватками, всей своей громадной мускулистой фигурой рыночной торговки... Я жилъ на чердакѣ и ея дверь была противъ моей. Я, бывало, никогда не открывалъ моей двери, если зналъ, что она дома. Но это, конечно, случилось рѣдко. Иногда мнѣ приходилось встрѣчаться съ ней на лѣстницѣ, на дворѣ, и она улыбалась мнѣ улыбкой, которую я считалъ хищной и циничной. Не разъ я видѣлъ ее пьяной, съ осоловѣлыми глазами, растрепанной, улыбающейся какъ-то особенно безобразно...

Въ такихъ случаяхъ она говорила мнѣ:

Бывайте здоровы, пане студентъ! — и глупо хохотала, увеличивая мое отвращеніе къ себѣ. Я-бы съѣхалъ съ квартиры, чтобъ избавиться отъ такихъ встрѣчъ и привѣтствій, но у меня была такая миленькая комнатка, съ широкимъ видомъ изъ окна, и такъ тихо было въ этой улицѣ... Я терпѣлъ.

И вдругъ, однажды утромъ, валяюсь я на койкѣ, стараюсь найти какія-либо основанія для того, чтобъ не идти на лекціи, — открывается дверь, и эта отвратительная Тереза возглашаетъ съ порога басомъ.

— Бывайте здоровы, пане студентъ!

— Что вамъ угодно? — говорю. Вижу — лицо у нея смущенное, просительное... Необычное для нея лицо.

— Видите-ли, пане, буду я васъ просить объ одномъ дѣлѣ... Ужъ вы сдѣлайте мнѣ его!

Я лежу, молчу и думаю:

— Подвохъ! Покушеніе на мою чистоту, ни больше, ни меньше!

Крѣпись, Егоръ.

— Нужно-бы мнѣ, видите, письмо послать на родину, — говоритъ она и такъ умоляюще, тихо, робко.

Э, думаю, чортъ съ тобой, изволь! Всталъ, сѣлъ къ столу, взявъ бумагу и говорю:

— Проходите сюда, садитесь и диктуйте...

Она проходитъ, осторожно садится на стулъ и съ виноватымъ видомъ смотритъ на меня.

— Ну-съ, кому письмо?

— По варшавской дорогѣ въ городъ Свѣнцианы, Болеславу Кашпуту...

— Что писать? Говорите...

— Милый мой Болесь... сердце мое... Мой вѣрный возлюбленный... Да сохранить тебя Матерь Божія! Золотое мое сердце, почему ты такъ давно не писалъ своей то-скующей по тебѣ голубкѣ Терезѣ...

Я чуть чуть не расхохотался. „Тоскующая голубка“ двѣнадцати вершковъ роста, съ пудовымъ кулачищемъ и съ такой черной рожей, какъ будто голубка всю жизнь трубы чистила и ни разу не умывалась! Сдержался, кое какъ, спрашиваю:

— Онъ кто, этотъ Болесь?

— Болесь, пане студентъ, — какъ будто обидѣлась она на меня за то, что я исковеркалъ имя. — Онъ, Болесь, женихъ мой...

— Женихъ?!?

— А чего-же панъ такъ удивился? Развѣ-жъ у меня, у дѣвушки, не можетъ быть жениха?

У нея, у дѣвушки?! Хорошо?

— О, почему-же! Все бываетъ... А давно онъ вашъ женихъ?..

— Шестый годъ...

— Ого-го! — думаю я. Ну, написали мы письмо. Такое, я вамъ скажу, нѣжное и любовное, что-бы я самъ, пожалуй, помѣ-

нался мѣстомъ съ этимъ Болесемъ, если-бъ корреспонденткой была не Тереза, а что-нибудь другое, поменьше ея.

— Вотъ—отъ души спасибо вамъ, пане, за услугу!—говорить мнѣ Тереза, кланяясь.—Можетъ и я могу вамъ чѣмъ послужить?

— Нѣтъ ужъ, покорно благодарю!

— А можетъ, у пана рубаха или штаны въ дыркахъ?

Чувствую, что этотъ мастодонтъ въ юбкѣ вогналъ меня въ краску, и довольно рѣзко заявляю, что не нуждаюсь въ ея услугахъ.

Ушла.

Прошло недѣли съ двѣ... Вечеръ. Сажу подъ окномъ и свишу, думая, чѣмъ-бы мнѣ отвлечь себя отъ себя? Скучно, а погода скверная, идти куда не хочется и отъ скуки я занимался самоанализомъ, помню. Это тоже довольно таки скучно, но больше ничего дѣлать не хотѣлось. Отворяется дверь—слава Богу! кто-то пришелъ...

— А что, панъ студентъ, не займется никакимъ суѣшнымъ дѣломъ?

Тереза! Гмъ...

— Нѣтъ... а что?

— Хотѣла бы попросить пана еще письмо написать...

— Извольте... Къ Болесю?..

— Нѣтъ, теперь ужъ отъ него...

— Что-о?

— О, глупая женщина! Не такъ я, пане, сказала, простите! Теперь ужъ, видите-ли, нужно не мнѣ, а одной подругѣ... т. е. не подругѣ, а... одному знакомому... Онъ самъ не пишетъ... а у него есть невѣста, какъ-я же вотъ... Тереза... Такъ вотъ можетъ-быть панъ напишетъ письмо къ той Терезѣ?

Смотрю я на нее—рожа у нея смущенная, пальцы дрожать, путается чего-то и догадываюсь!

— Вотъ что, сударыня, говорю, никакичъ Болесей и Терезъ у васъ нѣтъ и все это вы врете. А около меня вамъ не обрывать-

ся и въ знакомство вступать я съ вами не хочу... Поняли?

Она вдругъ какъ-то странно испугалась, растерялась, начала топтаться на одномъ мѣстѣ и стала смѣшно шлепать губами, желая что-то сказать и ничего не говоря. Я жду, что изъ всего этого воспослѣдуетъ и вижу, и чувствую, что, кажется, немного ошибся заподозривъ ее въ желаніи совратить меня съ путей благочестія. Тутъ, какъ будто-бы, что-то другое.

— Панъ студетъ—начала она и вдругъ, махнувъ рукой, круто повернулась къ двери и ушла. Я остался съ очень сквернымъ чувствомъ на душѣ, слышу—у нея хлопнула дверь, громко такъ, разсердилась видно бабища... Подумалъ и рѣшилъ, пойду къ ней и, позвавъ ее сюда, напишу ей все, что тамъ надо.

Вхожу въ ея комнату—вижу она сидитъ у стола, обломотилась на него и голову сжала руками.

— Послушайте, говорю...

... Всегда вотъ, когда я рассказываю эту исторію и дойду до этого мѣста—ужасно нелѣпо чувствую себя... такая глупость! Да-а..“

— Послушайте, говорю...

Она вскакиваетъ съ мѣста, идетъ на меня, сверкая глазами, и начинаетъ, положивъ мнѣ руки на плечи, шептать... вѣрифе гудѣть своимъ басомъ...

— Ну-чтожъ? Ну? Такъ! Нѣтъ никакого Болеся, нѣтъ... И Терезы тоже нѣтъ! А вамъ что? Вамъ трудно поводить перомъ по бумагѣ, да? Эхъ, вы! А еще такой.. бѣленькій! Никого нѣтъ, ни Болеся, ни Терезы, только я одна есть!—Ну, что-жъ, ну?

— Позвольте, говорю я, ошеломленный этимъ пріемомъ—въ чемъ дѣло?—Болея нѣтъ?

— Да, нѣтъ! Такъ что-жъ?

— А Терезы—тоже нѣтъ?

— И Терезы нѣтъ! Я—Тереза!

Ничего не понимаю! Таращу на нее глаза и пытаюсь опредѣлить, кто изъ насъ

сосошелъ съ ума? А она ушла опять къ столу, порылась тамъ, идетъ ко мнѣ и обиженно говорить:

— Если вамъ ужъ такъ трудно было написать Болесю,—то вотъ оно, ваше писанье, возьмите! А мнѣ и другіе напишутъ...

Вижу—въ рукѣ у меня письмо къ Болесю. Ф-фу!

— Слушайте, Тереза! Что все это значить? Зачѣмъ нужно, чтобы писали другіе, если я вотъ написалъ, а вы его не послали?

— Куда?

— А къ этому... къ Болесю?

— Да его же нѣтъ!

Рѣшительно ничего не понимаю! Оставалось только плюнуть и уйти. Но она объяснилась.

— Что-же?—обиженно заговорила она.— Нѣтъ его, такъ и нѣтъ! И развела руками, какъ-бы не понимая, почему-же это его нѣтъ.

— А мнѣ хочется, чтобы онъ былъ... Развѣ-жъ я не человѣкъ, какъ всѣ? Конечно, я... я знаю... Но вѣдь никому нѣтъ вреда отъ того, что я пишу ему...

— Позвольте—кому?

— Да Болесю-жъ!

— Да вѣдь его нѣтъ?

— Ахъ Іезусъ-Марія! Ну что-же, что нѣтъ, ну? Нѣтъ, а будто-бы есть? Я пишу къ нему, ну и выходитъ, какъ-бы онъ есть... А Тереза,—это я и онъ мнѣ отвѣчаетъ, а я опять ему...

Я понималъ... Мнѣ стало такъ больно, такъ скверно, такъ стыдно чего-то. Рядомъ со мной, въ трехъ шагахъ отъ меня живетъ человѣкъ, у котораго нѣтъ на землѣ никого, кто-бы могъ отнестись къ нему любовно, сердечно, и этотъ человѣкъ выдумываетъ себѣ друга!

— Вотъ вы мнѣ написали письмо къ Болесю, а я его дала другому прочитать и когда мнѣ читаютъ, я слушаю и думаю, что Болесъ есть! И прошу написать письмо отъ Болеся къ Терезѣ... ко мнѣ. Когда такое письмо мнѣ напишутъ да читаютъ, я ужъ

совсѣмъ думаю, что Болесъ есть. А отъ этого мнѣ легче живется...

.... Да-съ... Чертъ возьми!.. Ну, я съ той поры аккуратно сталъ два раза въ недѣлю писать письма къ Болесю и отвѣты отъ Болеся къ Терезѣ. Хорошо я писалъ эти отвѣты... Она, бывало, слушаетъ ихъ и реветь... басомъ, этакимъ, ревелла. И за то, что я вызывалъ у нея письмами къ ней отъ воображаемаго Болеся слезы, она мнѣ зачинала всѣ дырки на носкахъ, рубахахъ и прочемъ... Потомъ, мѣсяца черезъ три послѣ этой исторіи, ее посадили за что-то въ тюрьму. А теперь она, навѣрное, умерла.

... Мой знакомый сдунулъ пепель съ папиросы, задумчиво посмотрѣлъ въ небо и закончилъ...

— Н-да-съ... Чѣмъ больше человѣкъ вкусилъ горькаго, тѣмъ свирѣпѣе жаждетъ онъ сладкаго. А мы этого не понимаемъ, облеченные въ наши ветхія добродѣтели и глядя другъ на друга сквозь дымку самомнѣнія и убѣжденія въ нашей всяческой непогрѣшимости...

Выходить довольно глупо и... очень жестоко. Десятка падшіе люди... А что такое падшіе люди? Прежде всего—люди, та-же самая кость, кровь, то же мясо и тѣ-же нервы, какъ и у насъ. Говорятъ намъ объ этомъ цѣлые вѣка изо-дня въ день. А мы слушаемъ и... чортъ знаетъ какъ это все нелѣпо! Или мы уже совершенно оглохли отъ громкой проповѣди гуманизма?... Въ сущности сами-то мы тоже падшіе, и пожалуй, очень даже глубоко падшіе... въ пропасть всяческаго самолюбія и убѣжденія въ превосходствѣ нашихъ нервовъ и мозговъ надъ мозгами и нервами тѣхъ людей, которые только менѣ хитры, чѣмъ мы, хуже умѣютъ притворяться хорошими, чѣмъ мы притворяемся... А впрочемъ, будетъ объ этомъ. Такъ все это старо... что даже со-вѣстно говорить... Очень старо... да!...

М. Горькій.